Jaques Rivières (1886–1925)
Alain-Fournier (1886–1914)
Correspondance A-F / J.R. – 1926
Rivière 1
218 × 166
(33)

Послѣдній привѣтъ.

Le vrai sage est celui qui fonde sur le sable
Sachant que tout est vain dans le temps éternel.
H. de Regnier.

Перечитывая то, что осталось у насъ отъ J. Rivière – и между прочимъ его „introduction" къ „Miracles" безвременно погибшаго Alain-Fournier, (введеніе, которое намъ не меньше разсказываетъ о самомъ Rivierѣ, чѣмъ о Fournier) – я, ~~въ томъ~~ дойдя до мѣста (стр. 17), гдѣ онъ дѣлится съ читателемъ своими впечатлѣніями отъ чтенія Tel qu'en songe Henri de Regnier, вспомнилъ другіе, когда-то поразившіе меня стихи этого же поэта:

Le vrai sage est celui qui fonde sur le sable
Sachant que tout est vain dans le temps éternel.

И теперь они мнѣ показались еще болѣе глубокими и значительными. И еще показалось мнѣ, что, когда J. Rivière писалъ свое introduction, они какъ бы стояли предъ его глазами. Онъ чувствовалъ, что, если онъ захочетъ „строить на прочномъ гранитѣ", можетъ быть и удастся сохранить для потомства кое что изъ написаннаго Fournier, но самого его спасти не удастся. „Вѣчное время" безпощадно потеретъ и проглотитъ и его, какъ уже потерало и проглотило

несмѣтное количество молодыхъ и старыхъ человѣческихъ жиз-
ней.

Какъ бороться со всесильнымъ временемъ? Чѣмъ побѣдить его? Зданія, самыя прочныя, выведенныя на самомъ твердомъ гранитѣ — все, что кажется намъ несокрушимымъ и даже вѣковѣчнымъ все, рано или поздно, станетъ добычей тлѣнія. И можно ли спасти отъ ярости времени юношу, хотя и скоро сгорѣвшаго, одареннаго, но не успѣвшаго за свое кратковременное существованіе далѣе пріобрѣсти въ глазахъ людей право на monumentum aere perennius? Исторія не внесетъ его блеснувшаго имени на свои страницы и люди, память которыхъ и безъ того обременена нужными и ненужными знаніями, скоро о немъ забудутъ.

Ривьеръ это чувствовалъ, когда началъ писать свое introduction и съ той смѣлостью, которая отличала его еще въ молодости и которая запечатлѣна вся его юношеская дружба, сохраненная въ вышедшей въ прошломъ году книгѣ „Études" рѣшился бросить вызовъ самому источнику — времени. Онъ передаетъ, что извѣстное признаніе B. Constant'а: Je ne suis peut être pas tout à fait un être réel" потрясло необычайно Fournier и что il nous recommanda solennellement de ne jamais l'oublier quand nous aurions en son absence, à nous expliquer quelques choses de lui". И такъ онъ толкуетъ это требованіе: „Je vois bien ce qu'était sa pensée il manqu

quelque chose à tout ce que je fais, pour être serieux, evident, indiscutable. Mais aussi le plan sur lequel je circule n'est pas ~~tout~~ le même que le vôtre; il me permet, peut-être, de passer là où vous voyez un abîme: il n'y a peut-être pas pour moi la même disconnité que pour vous.

Такъ начинаетъ свое introduction Ривьеръ. Онъ понимаетъ, что во всемъ, что дѣлалъ его другъ строгая критика найдетъ ничѣмъ не оправдываемые недостатки. Защитить ся нѣтъ никакой возможности, пока приходится бороться на той почвѣ, на которой обычно люди сталкиваются. Очевидность, безспорность, даже то, что люди превыше всего чтятъ - значительность (serieux) на сторонѣ его противниковъ. Но побѣжденнымъ онъ себя признать не хочетъ. Какъ Макбетъ у Шекспира, онъ вызываетъ самое судьбу на поединокъ. Онъ поднимаетъ вопросъ точно ли то, что мы считаемъ очевиднымъ и безспорнымъ, точно ли значительность, за которую мы воздвигаемъ людямъ памятники изъ бронзы, мѣди и мрамора - во всѣхъ сферахъ бытія пользуются тѣмъ же признаніемъ, какъ у насъ на землѣ. Вопросъ столь огромный - и вмѣстѣ парадоксальный - чтобъ отвѣтить на него ~~значило~~ нужно бы бы пересмотрѣть всѣ наши представленія о существующемъ. Да, и полагается ли на такіе вопросы отвѣчать? Время и человѣческій разумъ, къ которымъ эти вопросы обращены - способны ли они ихъ

усмотрѣть? Вѣдь и время, и разумъ при всемъ имъ такъ при-
писывающихъ людей всемогуществѣ смѣщать не умѣютъ! Это
имъ не дано. Ривьеръ знаетъ это не хуже другихъ. Онъ даль-
ше пишетъ (12): quand je la compare à la sienne, toute ma
vie qui pourtant fut occupée par beaucoup des mêmes
événements, m'apparaît affreusement positive. J'ai laissé
bien de choses qu'il laissa échapper; mais c'est lui qui
rêvait, moi qui reste...
Но не только жизнь Ривьера, и жизнь его друга была affreuse-
ment positive. Не говоритъ-ли онъ намъ самъ, съ той прони-
цательностью, которая ~~ее~~ не ~~покидала~~ измѣняла ему даже и тогда,
когда онъ наталкивался на неуловимѣйшія ~~движе-~~
~~нія~~ движенія своей и чужой души, что біографія Фурнье,
какъ бы добросовѣстно ни разсказать ее, была бы только
récit des faits qu'il n'a pas vécus. Я думаю, что и біографія
Ривьера была бы только récit des faits qu'il n'a pas vécus.
Но о себѣ даже Ривьеръ, при всей своей неустрашимости не
рѣшился бы сдѣлать этихъ признаній, которыя онъ сдѣлалъ
и своего друга. За ушедшаго въ иной міръ можно сказать,
что въ какомъ-то планѣ безспорность, очевидность и даже
значительность утрачиваютъ свою власть и обаяніе. Какъ
о себѣ сказать это? Легче назвать себя affreusement positif,
легче сравнить себя съ преуспѣвающими, только бы сох-
ранить право ~~называться~~ признаваться всѣми реальнымъ существомъ.

Умершій обойдется и безъ памятника — живому же безъ признанія и содѣйствія людей никакъ не просуществовать. Ривьеру не только въ жизни, но и въ писаніяхъ своихъ (даже въ Introduction, о которомъ у насъ идетъ рѣчь) приходится большей частью быть affirmement positif. И, нужно думать, что какъ разъ то, что было наиболѣе позитивнаго въ его писаніяхъ, нашло себѣ наиболѣе сочувственный откликъ у читателей, и дольше всего сохранится и будетъ цѣниться людьми. А всѣ мимолетныя какъ бы замѣчанія, ~~въ родѣ~~ какъ тѣхъ, которыя я уже привелъ здѣсь изъ Introduction ~~и~~ такъ и тѣхъ, которыя я не привелъ не потому, что они этого не заслуживаютъ, а только потому что въ краткой замѣткѣ я не располагаю достаточнымъ мѣстомъ, чтобы извлечь изъ оставшагося послѣ Ривьера литературнаго ~~матеріала~~ наслѣдія всѣ тѣ „мимолетности", которыя онъ противопоставлялъ „безспорностямъ" обычнаго мышленія, будутъ скоро забыты ~~по-видимому~~, ~~что могли бы [illegible]~~ хотя онѣ намъ говорятъ о жизни не только Фурнье, но и самого Ривьера больше, чѣмъ можетъ разсказать самая обстоятельная біографія. Я не могу закончить эту замѣтку, не приведя еще нѣсколькихъ поразительныхъ цитатъ изъ Introduction. Всѣ онѣ относятся къ Фурнье, но, думаю, нѣтъ надобности каждый разъ напоминать читателю,

что они больше всего говорятъ о Ривьерѣ. „Il ne trouvait jamais faciles que le chemins inexplorés" (45). Или „Fournier n'est lui-même et ne trouve toutes se forces que dans l'instant où il se sent vide de tout ce dont il a pourtant besoin". (47) Или еще: „Sachant bien qu'il ne l'obtiendra pas, c'est un trésor qu'il exige, qui lui est dû" (48). Прослѣдивая судьбу, не жизнь а судьбу своего друга, Ривьеръ все больше и больше убѣждается, какъ мало занимаетъ другихъ людей и паче говоря какъ мало имѣетъ объективнаго значенія какъ разъ то, что для человѣка наиболѣе важно и существенно. „Dure tache que de s'accomplir! Que de liens il faut briser! Que de contacts il faut rompre! Comme il est seul l'homme en qui bouge le pauvre et imperieux devoir de créer" (80). Въ концѣ introduction мы читаемъ слѣдующія загадочныя слова, которыя я считаю необходимымъ привести цѣликомъ, хотя знаю такъ-же хорошо, какъ зналъ и самъ Ривьеръ, что въ нихъ не только нѣтъ ничего безспорнаго, но что они никогда не войдутъ въ человѣческій обиходъ, ибо они бросаютъ вызовъ всѣмъ нашимъ очевидностямъ. „S'il (Fournier) acceptait de n'être pas ici-bas tout ~~a fait~~ un être réel, n'était-a pas dans le pressentiment qu'il le pouvait devenir ailleurs? Oui je ne resiste pas, par instants, à cette impression que la mort fut pour lui ... comme une rame tout à coup pour

s'aider vers plus de réalité et d'existence. Le son de cette voix qui l'appelait plus loin... quand il l'eut laissé pénétrer jusqu'au fond de son coeur ~~et la permission~~, Esprit timide et sans peur, il s'enfonça dans ce monde même qui avait toujours régné sur sa pensée. D'un nouvel acte de foi..... il le l'ouvrit, j'en suis sûr, et de tout son âme, en un clin d'oeil, le rejoignit. Il faut que nous pensions à lui, toujours, comme à quelqu'un de „Scruset" ~~Save~~ [illegible]?

Такія мысли „par instants" посѣщали J. R. И такія мысли, далекія и чуждыя людямъ, онъ ~~съ~~ ронялъ, тоже только въ рѣдкія минуты, въ своихъ статьяхъ. Онѣ не могутъ называться бесспорными и опираться на твердый гранитъ нашихъ самоочевидностей: самъ Ривьеръ, еще разъ повторю, сказалъ намъ это въ началѣ своего „introduction". Но, вѣдь въ тѣ минуты, когда такія мысли приходили къ нему, онъ переставалъ вѣрить и въ гранитъ и во всѣ другія человѣческія твердыни. И теперь, когда вслѣдъ за своимъ другомъ, онъ ушелъ въ ту страну, изъ которой ни одинъ путникъ еще не возвращался къ намъ, теперь, перечитавъ его „introduction" ~~намъ хочется~~ и мы чувствуемъ себя вправѣ послать, по-нашему, нашъ послѣдній привѣтъ свой, летучій стихъ любимаго поэта его молодости.

Le vrai sage est celui qui fonde sur le sable,
Sachant que tout est vain dans le temps éternel